

От редакции. Технические документы, связанные с методикой, организацией и проведением исследований, служебную переписку между подразделениями социологических центров не принято публиковать. Это внутренняя "кухня" исследователей, та сторона работы, которая обычно не выносится на публику. Однако очень часто подобные материалы, подготовленные людьми внимательными, умными, ответственными в профессиональном отношении, оказываются настолько информативными и содержательными, что невольно становится жалко, что их не могут прочесть другие заинтересованные специалисты. Они не только позволяют увидеть ту реальную социальную обстановку, в которой проходит исследование, но и оценить эффективность выбранной методологической стратегии, адекватность технологии получения эмпирической информации применительно уже к целям конкретного исследования.

В порядке эксперимента мы публикуем в этом номере журнала методический отчет руководителя исследования, присланного им в Москву по окончании "поля" одного из наших опросов в 2005 г. Сам текст не подвергался смысловой правке или редактуре, были убраны лишь упоминания конкретных фамилий и названия населенных пунктов, поскольку к делу это не имеет прямого отношения. В социологическом плане соображения, приводимые в отчете, заставляют задуматься о том, насколько пригодными являются обычные методы массовых репрезентативных опросов для регионов, где имеют место процессы интенсивной традиционализации, деградации массового общества, восстановления более архаических социальных структур и отношений. Вполне возможно, что здесь оказывается более результативной методология, например, социальной антропологии, используемая, скажем, для изучения традиционных культур и сообществ, включенного наблюдения и т.п., а не массовые репрезентативные социологические опросы.

Размышления после исследования. Комментарий к методическому отчету опроса: Дагестан

Полевые работы в Дагестане одновременно проводить и сложно, и легко. В сельских районах это делать легко, потому что у их жителей очень сильна ностальгия по советской власти, лишившись которой они, по сути дела, оказались заложниками местных властей. Тот факт, что ныне они носят звание "глав администрации", ничего не меняет. Развал Советского Союза, отток русского населения, особенно из сел, бесконтрольное наделение властными полномочиями местных национальных кланов вернули в сельский Дагестан феодальный строй со всеми его атрибутами. В этой ситуации любая весточка от "правильной власти" воспринимается жителями как символ того, что их не бросили на произвол судьбы, что рано или поздно закон и порядок будут восстановлены, а вместе с ним будут восстановлены сельскохозяйственные предприятия, образование, здравоохранение, культура. Поэтому у жителей дагестанских сел отношение к проведению социологических опросов самое благожелательное. Для них это способ как-то проявиться, сказать о своих бедах и проблемах, обозначить себя как полноценных и лояльных граждан России.

Однако в ряде случаев эти "несанкционированные" контакты с интервьюерами представляют собой угрозу для сельской феодальной администрации.

Так, интервьюер, работавшая в одном из сел Буйнакского района, рассказывала о своих контактах с местной администрацией: «У нас в Дагестане положено так: если приехал в село, обязательно надо поздороваться с местным главой, попить с ним чаю, рассказать, кто ты и по какому делу приехал. Вот так я приехала в село К... Туда ведет дорога от республиканской трассы. Уже по этой дороге я поняла, что работы в этом селе не будет — дорога круто поднимается в гору километра два, а дорога из глины, в две глубокие колеи, никто за ней не следит, никому она не нужна. И в самом селе бедность и запустение, дома еще старинные, глинобитные. Вы видели, наверное, как на картинках старый Дагестан показывают. Меня еще поразило, что даже ограда на памятнике героям войны сломана. Совсем никто не заботится. Подъезжаем к дому главы. У него весь дом, как гараж, большим железным забором закрыт, и там окошечко проделано. В окошечке милиционер, его зять. Дом у главы большой, много всяких подсобных помещений, а пол глиняный, грязно очень. И две жены у него. Одна старая, по виду его ровесница, наверное, еще при советской власти на ней женился, а другая молодая, и 18 лет, только что ребенка родила. Он такой важный: "Давайте, что там у Вас, я сам отвечу". Ну ответил, я его прошу, чтобы разрешил в селе опрос провести.

А он говорит: "Наши жители Вам то же самое скажут". Сколько ни просили, сколько ни объясняли: "Идите, говорит, принесите мне разрешение от республиканского МВД". А это сколько ж времени потерять. Так я еще местная, меня в этом районе знают и мужа моего, и всю семью, и все равно вот работать не разрешили».

В некоторых селах благодаря такой запретительной политике приходилось проводить опрос "снежным комом", т.е. нужные по квоте респонденты буквально вызывались главой в Администрацию, где и беседовали с интервьюером в отдельных помещениях.

Особенно сложно проходил опрос в так называемых "шариатских селах"¹, где сильны позиции мусульманских духовных лидеров и где де-факто существуют "шариатские республики". Опрос в этих селах проходил под наблюдением местных имамов, а женщин опрашивали только в присутствии мужчин, при этом интервьюеры отмечали, что женщины, особенно молодые, чрезвычайно смущались, отвечая на вопросы, и все время апеллировали к сопровождавшим их мужчинам: "Вот пусть он Вам скажет, а я ничего не знаю". Можно также сказать, что опрос в этих селах людьми посторонними, не мусульманами, не местными жителями был бы вообще невозможен².

Еще одним обстоятельством, существенно усложняющим проведение опросов в сельской местности Дагестана, является крайне плохое знание русского языка местными жителями. Причем эта проблема усугубляется год от года. Вынужденный выезд из Дагестана русского населения привел к тому, что в дагестанских селах

практически не осталось носителей русского языка — учителей, врачей и других представителей русской интеллигенции. В результате во многих школах сельского Дагестана русский язык преподается формально, людьми, которые и сами его хорошо не знают. Характерно и то, что люди старшего возраста — 40–60 лет — говорят по-русски достаточно хорошо, во всяком случае, по отзывам интервьюеров, вопросы анкеты им были вполне понятны. А вот более молодые люди, особенно женщины, практически не в состоянии отвечать на вопросы анкеты, они их просто не понимают и стесняются говорить вслух о своих затруднениях!

Вот как описывает свои впечатления одна из наших сотрудниц, работавшая в Дахадаевском районе: «Я, конечно, когда прихожу, разговариваю сразу на даргинском языке, объясняю что-чего. Встречают очень хорошо, особенно если мужа дома нет. Всегда чаем угощают, ну и вообще всем, что есть. Такие разговорчивые, смеются, меня расспрашивают. Начинаю читать анкету по-русски, как написано. Она мне отвечает или другое что-то говорит, не по анкете, или говорит все время: "Не знаю, не знаю". Я потом догадалась, что вопросов не понимают, стала немного переводить, прочитаю по-русски, потом скажу по-даргински, они тогда отвечают. Ну почему нельзя сразу сказать, что "не понимаю"»!

Интересно отметить, что письменный язык понимается лучше, многие участники исследования просили у интервьюеров разрешить им самим прочитать и заполнить анкету и делали это более успешно, чем при беседе методом интервью.

Характерной проблемой при опросах в сельской местности Дагестана является также хаотичная "кустовая" застройка сел и отсутствие почтовых адресов. Улиц как таковых нет, нет и номеров домов. Как объяснил нам один респондент, которому при проведении телефонного контроля мы задали вопрос: "По какому адресу Вам можно написать?" "А Вы напишите мне: Дербентский район, село Х... и мою фамилию напишите, а я там сам зайду на почту или мне через соседей передадут, мы же все знаем друг друга, не как у Вас в России".

Еще одной проблемой, которая потребовала от нас оперативного методического решения, стала проблема высокого статуса высшего образования среди жителей Дагестана.

Если в России признаком благополучия и нормального положения в обществе является триада: машина—квартира (дом) — дача, то в Дагестане: машина — квартира (дом) — диплом о высшем образовании. При этом зачастую соответствующий диплом получается в ходе заочного об-

¹ Такие села существуют в Ботлихском, Акушинском, Цумандинском и ряде других районов. В 1999 г. именно эти районы стали опорными базами боевиков, вторгшихся на территорию Дагестана. Отдельные села в этих районах были в то время разрушены федеральными войсками, отстроены заново и заново же были использованы боевыми группами сепаратистов уже в 2003 г. С тех пор в обмен хотя бы на внешнюю лояльность местному духовенству была предоставлена негласная возможность установить в отдельных селах своего рода "шариатские республики". В этих селах действуют шариатские суды, женщины, например, получают только начальное образование в школе при мечети и т.п. Существует даже своего рода "таможня". Так, проезд через такие села для "неверных", не являющихся представителями властей, платный. Наш водитель, проезжая одно из подобных сел, на моих глазах купил кочан капусты у сидящего у обочины продавца, по внешнему виду напоминавшего классического моджахеда. Я успела заметить, что за кочан капусты было заплачено 500 руб.

² В 2003 г. в этих селах работали русские интервьюеры, правда, под руководством жителя Махачкалы. Попытка несанкционированного контакта наших сотрудников чуть было не окончилась трагично: молодой человек, который обратился к местной девушке, был избит ее родственниками, по счастью, несильно, а за нашей сотрудницей, пока она шла по селу, все время следовал автомобиль с местными мужчинами, и только убедившись, что она свернула к администрации и явно находится здесь "по казенной надобности", водитель развернул машину в противоположную сторону.

разования за взятки или же просто покупается¹. Поэтому, когда мы столкнулись с проблемой гигантской недостижимости по квоте (не могли найти людей с образованием ниже высшего, в том числе и в сельской местности), мы рекомендовали нашим интервьюерам применить "тактическую хитрость". Если на вопрос об образовании респондент отвечал "высшее", мы просили его сказать, какое учебное заведение, в каком году и по какой специальности он закончил. В том случае, когда на эти вопросы респондент не мог внятно ответить, мы спрашивали у него, какое учебное заведение он кончил до вуза, если респондент называл школу, следовал вопрос о том, сколько классов он окончил. Интервьюеры сообщали, что некоторые респонденты, первоначально заявившие свое образование как "высшее", отвечали, что до вуза закончили 8-9 классов. Поэтому мы просили интервьюеров все же выяснять и фиксировать *реальное* образование участников исследования.

И все-таки можно сказать, что все сложности опроса в сельской местности Дагестана компенсировались общей доброжелательностью и готовностью к сотрудничеству со стороны респондентов. Многие интервьюеры, работавшие в сельских районах, говорили нам, что в процессе работы ощущали душевный подъем и даже воспринимали свою работу как некую миссию, во всяком случае, как дело полезное и общественно значимое.

Совсем иной была, к сожалению, ситуация в городах, особенно крупных, таких, как Махачкала и Дербент.

Говоря коротко о настроении городских жителей, можно сказать, что они боятся террора (причем как со стороны "боевиков", так и со стороны местных властей) и крайне заражены духом маммонизма. Интервьюеры отмечали, что стандартная ситуация контакта в городе Махачкала строилась по следующей схеме. Вопрос из-за закрытой двери: "Кто там?" Длительные объяснения интервьюера, после которых дверь все же открывалась. Вопрос интервьюера, имеется ли в доме человек, подходящий по квотному заданию, и резкий ответ: "У нас таких нет". Особенно часто такие ответы звучали при поиске мужчин трудоспособного возраста или молодых женщин. Наша супервайзер прокомментировала ситуацию следующим образом: "Часто бывает, особенно после терактов, что милиционеры просто ходят по домам и забирают мужчин подходящего возраста, или если кто-то скажет, что он чей-то родственник или вообще имеет отношение, или даже просто так, потому что они

¹ Автор этих строк сама видела в массовом количестве протодушные объявления в Махачкале: "Диплом любого вуза России" и телефон.

соседи кого-то, кто на подозрении". По-прежнему нередки случаи похищения молодых девушек отвергнутыми или просто бедными, не имеющими возможность заплатить выкуп женихами.

По словам наших интервьюеров, почти не встречались случаи откровенного отказа от исследования. Наши сотрудники высказывают предположение, что все же люди опасаются идти на открытый конфликт "с властью", за представителей которой зачастую принимали наших сотрудников, предпочитая ссылаться на то, что просто нужного человека у них в семье нет.

Наши интервьюеры, будучи сами местными жителями, рассказали нам, что в ходе избирательных кампаний в городах идет активный подкуп избирателей, причем еще на этапе сбора подписей. Средняя сумма, которую человек получает за подпись, составляет от 50 до 100 руб. В этом смысле в городах Дагестана практически исчерпан так называемый "ресурс добровольного содействия", и интервьюеры в поле часто сталкивались с вопросами: "А сколько за это заплатят?" и, узнав, что участие в опросе не оплачивается, говорили стандартную фразу: "Такого у нас нет", и захлопывали дверь.

Еще одной специфически "городской" проблемой было сочетание маршрута, квот по социально-демографическим характеристикам и квот по национальностям.

Наиболее затруднительным оказалось выполнить такое задание в г. Махачкала. Наша первоначальная гипотеза о проживании жителей города национальными общинами оказалась неверна. Проживание различных национальностей имеет скорее дисперсный, а не компактный характер. Под этим выражением мы имеем в виду, что население группируется либо по материальным критериям ("бедные" и "богатые" районы), либо по ведомственному признаку. Последний тип расселения сложился еще в советские времена, и больших подвижек в этом смысле пока не произошло. Поэтому довольно высокой оказалась недостижимость по критерию "не подходит по национальности" в таких городах, как Махачкала и Кизилюрт.

Несколько особняком стоит г. Дербент. Фактически город разделен на две части невидимой, но существующей географической границей. Есть даргинская часть города и азербайджанская. Между этими двумя диаспорами существует заметное противостояние, время от времени выливающееся в массовые драки молодежи.

При этом каждая из диаспор считает себя основным этносом. Азербайджанцы — потому, что являются основателями города, даргинцы — потому, что являются представителями правящей этнической группировки. Кроме того, существует и проблема

сепаратизма. В различных азербайджанских национально-культурных объединениях вынашивается идея референдума с возможностью дальнейшего присоединения города к Азербайджану.

Все вышеперечисленное способствовало возникновению определенных проблем при проведении опроса. По отзывам интервьюеров, даргинцы и лезгины участвовали в опросе довольно охотно, чувствуя необходимость содействия своей и российской "власти". Азербайджанцы же соглашались на опрос с большим трудом; зачастую интервьюеры отмечали, что эта категория респондентов вообще не ощущала себя россиянами.

Особую сложность представлял собой поиск такой национальности, как "цахуры".

Мы для этого рассчитывали воспользоваться помощью представителей национальной общины, но оказалось, что в городе ее нет. Не оправдались также наши надежды, связанные с местным педагогическим колледжем. К сожалению, цахурского отделения, которое в нем было в советские времена, больше не существует. Несмотря на все наши усилия, мы так и не смогли отыскать людей данной национальности в городе еще, возможно, и потому, что, будучи близкими по языку и традиционной культуре лезгинам, они в условиях городской среды привыкли считать себя лезгинами и так отвечали на вопрос интервьюеров о своей национальной принадлежности.

Еще одной сложностью работы в Дербенте, скорее уже связанной с контролем, а не непосредственно с интервьюированием, является крайне низкая телефонизация города, в целом отражающая упадок городского хозяйства. Довольно плохо работает в городе и сотовая связь. Во всяком случае, по сравнению с другими кавказскими городами, в Дербенте крайне мало операторских пунктов сотовой связи.

Коротко говоря о проблемах социологического поля в Республике Дагестан, можно выделить следующие тенденции:

1. Высокая степень административного давления на жителей как в сельских районах, так и в городах, страх репрессий со стороны власти и прямой запрет в сельских населенных пунктах на проведение опроса.

2. Значительное влияние мусульманского духовенства в так называемых "шариатских селах", негласный запрет на сотрудничество с людьми, не придерживающимися шариатских норм.

3. Плохое знание русского языка в сельских населенных пунктах. Особенно это касается молодых людей, чье обучение в школе проходило уже в постсоветский период.

4. Исчерпанность "добровольного ресурса содействия", особенно среди населения крупных городов, которое в значительной степени развращено подкупом в ходе различных избирательных кампаний.

5. Национальные традиции, предписывающие мужчине роль посредника между домом, семьей и внешним миром, и вследствие этого — определенные затруднения при опросе женщин, которые либо вообще отказываются от интервью, либо во всем соглашаются с мнением главы семьи.

6. Отсутствие поселенческих планов, названий улиц и нумерации домов во многих селах республики.

7. Дисперсное расселение жителей различных национальностей в крупных городах, что существенно усложняло выполнение квотного задания по национальному составу опрашиваемых.

8. Крайне высокий статус "высшего образования" в республике, в результате чего респонденты зачастую пытались ввести в заблуждение интервьюеров относительно уровня своего образования.

В.Ю.Реммлер